

18+

Проступь

Владимир Стылов

Владимир Стылов

Проступь

<https://litres.ru/74149873>

ISBN 9785007004121

Аннотация

В стране, где чувства невозможно скрыть, детей учат держать себя под контролем. Матвей Истомин ведёт обычные школьные уроки: распознавание, удержание, саморегуляция. Он умеет не задавать лишних вопросов и оформлять всё правильно. Но одна ученица начинает слышать слишком точно, и привычный порядок требует от него простого решения.

Содержание

Проступь	5
Глава 2	22
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Проступь

Владимир Стылов

© Владимир Стылов, 2026

ISBN 978-5-0070-0412-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Проступь

Владимир Стылов

Глава 1

Будильник сработал в шесть сорок. Матвей лежал секунду, потом сел. Зоя рядом не шевельнулась — она спала на боку, одеяло натянуто до уха, дышала ровно. Он встал тихо, прошёл в ванную. Кафель холодный, свет резкий. Лампочка над зеркалом помигивала — не ровно, а с запинкой, как будто думала погаснуть и передумывала. В зеркале — лицо, помятое, обычное. Побрился — быстро, без порезов, кроме полоски на подбородке, которую каждый раз задевал. Промокнул бумажкой. Зубы. Паста — выдавил с середины, Зоя говорила — с конца, он каждое утро выдавливал с середины и каждый вечер слышал об этом. Сплюнул, сполоснул. В шкафчике над раковиной — его бритва, её крем, пачка ватных палочек, тюбик мази от ожогов, купленный летом, когда Зоя обожгла руку о сковороду. Ожог зажил, мазь осталась.

На кухне — чайник. Вода, кнопка, ждать. За окном — темно, октябрь, фонарь во дворе мигал жёлтым, второй столб не горел вовсе, уже месяц. Стройка напротив: девятиэтажка без фасада, девятый месяц, леса ржавые. Матвей достал хлеб, масло, нож. Бутерброд — один, стоя, у окна. Чайник щёлкнул. Он налил в чашку с трещиной на ободке. Чаш-

ка подтекала. Нужно было выбросить и взять другую из шкафа, но он каждое утро наливал в эту, потому что она стояла первой.

Оделся: рубашка, брюки, свитер — серый, без дырок, Зоя купила в прошлом году. Ботинки — разношенные, левый жал на мизинце, но новые покупать было не на что до зарплаты, а зарплата — пятнадцатого. Куртка. Сумка — тетрадь, ручки, журнал шестого «Б», телефон. Зоя не проснулась, или проснулась, но не встала. Он закрыл дверь аккуратно, замок щёлкнул негромко.

На лестнице пахло сыростью и сигаретным дымом. В лифте — бумажка: «Собрание жильцов 18 октября, 19:00». Они никогда не ходили. Кнопка первого этажа была продавлена внутрь пальцем и не возвращалась.

Матвей вышел из подъезда. Холодно, ветер, листья на асфальте, мокрые. Остановка — три минуты пешком. Автобус в семь двенадцать, но приходил обычно в семь восемнадцать или двадцать. Стоял, руки в карманах. Рядом — женщина в пуховике с термкружкой, мужчина в рабочей куртке курил.

Автобус пришёл в семь двадцать одну. Матвей зашёл, стоял у задней двери, держался за поручень. Стекло запотевшее, кто-то нарисовал пальцем рожицу. Через пару человек — мужчина, от которого тянуло тяжёлым, густым, застоявшимся. Матвей закрылся — стянул внимание, отсёк. Привычка. Автобус качало на повороте.

Школа — через двор, мимо гаражей, мимо площадки с

качелями, одна сломана, вторая висит на одной цепи. Забор школьный — металлический, крашенный, краска облупилась внизу. На углу забора — ящик для сбора ненужной одежды, благотворительный, с потёртой надписью «Центр помощи семьям», ящик стоял с весны, крышка была приподнята, из-под крышки торчал рукав.

Крыльцо. Дверь тяжёлая, пружина тугая. Вахтёрша — Раиса Николаевна, шестьдесят с чем-то, в очках, за стеклом — кивнула.

— Доброе утро.

— Доброе, Раиса Николаевна.

Она что-то записала в журнал — кто пришёл, во сколько. Матвей прошёл мимо. Коридор — длинный, линолеум серо-зелёный, стены — бежевые, нижняя половина крашена темнее. Запах: хлорка, мел, что-то кухонное из столовой в конце коридора. Гардероб — налево, он повесил куртку на крючок, свой, без номера, третий слева. Сумку на плечо, пошёл наверх.

В учительской — полусвет, дальняя лампа. На столе — чайник, чашки, блюдце с засохшим пакетиком. На подоконнике — горшок с чем-то зелёным, стопка газет, степлер Лены. Матвей сел, достал телефон. Прогноз: дождь после обеда. Уведомление из банка — списание за интернет.

Наталья Петровна поймала его до первого урока, в дверях учительской, ещё куртку не снял. Вошла — быстро, каблуки, папка в руке, очки на цепочке — и сразу:

— Матвей Львович, зайдите.

Кабинет — через коридор, дверь со стеклянной вставкой. Внутри — стол, компьютер, стопки бумаг, на стене — расписание, доска с кнопками, фотография коллектива прошлого года. Наталья Петровна села, открыла папку.

— Кравцова на больничном. Неопределённо. Восьмой «А» нужно кому-то вести. — Она смотрела поверх очков. — Вы возьмёте?

— Возьму, — сказал Матвей.

Наталья Петровна протянула журналы — два, в картонных обложках, потёртых. Один — классный, второй — отчётный. Оба тяжёлые, пахли бумагой.

— Программу посмотрите, она отстаёт на два блока. Тема — «Коллективная Проступь: распознавание и сдерживание». Начнёте с повторения. Расписание вывесят к обеду.

Разговор занял три минуты. Дверь. Два часа в неделю. Тысяча четыреста, может, тысяча шестьсот, он не помнил ставку за замещение. Зоя скажет: наконец-то кран. Он две недели обещал вызвать сантехника, а дешёвый был занят до ноября.

Вернулся в учительскую. Открыл классный журнал Кравцовой — аккуратный почерк, оценки нормальные. Дошла до четвёртого блока. Он на шестом со своим классом. Отстаёт — значит, повторение, потом новое, к ноябрю догонит. Записал на листке: «8А — бл. 4, 2 зан.» Сунул в карман.

Лена зашла, искала степлер. Матвей показал — на подоконнике, под газетами. Она забрала, ушла.

Звонок. Первый урок. Матвей поднялся на второй этаж — свой кабинет, 214. Дверь — ключ, щелчок, свет. Парты в рядах, стулья задвинуты, на полу обёртка от конфеты. Он поднял, бросил в корзину. Открыл окно. С улицы воняло — перекладывали трубы во дворе. Хоть какой-то воздух.

Шестой «Б» шуршал. Третий урок, половина десятого, после физры дети были потные, вялые, кто-то дышал ртом. Пахло кроссовками и чем-то кислым — может, от раздевалки через этаж. На задней парте Кузнецов рисовал на обложке тетради. Полякова вытирала доску и размазывала мел в серые полосы. Матвей забрал у неё тряпку, стёр сам, написал номер упражнения.

— Разбились по парам. Один рассказывает, второй держит. На моей команде — поменялись. Полякова, не с Лапиной, я сказал по парам, а не по подругам.

— А можно с Жуковой?

— С кем сидишь, с тем и работаешь.

Полякова надулась. Дети зашевелились. Знакомое упражнение, раз в две недели, никто не путался. Шум поднялся — рабочий, привычный — и Матвей прошёл между рядами, заложив руки за спину. В углу справа батарея жарила: вентиль сломали ещё в прошлом году, и зимой в этом углу было пекло, а у окна — холод. Заявку на ремонт писали в сентябре — ответа не было, как обычно.

Жукова и Кузнецова-вторая — в классе два Кузнецова, не родственники, он до сих пор путал — сидели у батареи, обе

красные, и работали вполсилы. Он не стал подходить.

Соколов сидел на второй парте у среднего ряда, с Лапиной. С Лапиной он сидел не потому, что они дружили, а потому, что Лапина была девочка спокойная, не жаловалась, и её посадили к нему в сентябре, когда стало ясно, что рядом с Соколовым долго никто не выдерживает. Перед Соколовым — пустой стул: Кузнецов-первый пересел в октябре к стене, сказал, что «у окна удобнее». Матвей не стал возражать.

У Соколова дрогнуло. Не сильно — тревога, разлитая, тупая. Лапина рядом поморщилась, отодвинулась — привычно, быстро, как отдёргивают руку от горячего. Мальчик за ними — Воронов — демонстративно повернулся к окну и выдохнул. Не грубо. Просто — выдохнул, показал, что заметил. Кто-то на задней парте коротко хохотнул, вполголоса. Одно слово. Никто не уточнил. Никто не посмотрел. Соколов сжался.

Матвей подошёл, положил руку на плечо.

— Тише. Дыши.

Соколов дышал. Осело. Матвей убрал руку, пошёл дальше. Мальчик — щуплый, бледный, стрижка короткая, форменный свитер великоват в плечах — опустил голову и продолжил работать. Лапина уже смотрела в тетрадь. Воронов — тоже. Всё заняло секунд пять.

Дети работали. Кто-то всерьёз, кто-то делал вид. На задней парте кто-то тихо засмеялся. Матвей посмотрел, не стал делать замечание. Упражнение шло. Достаточно.

У окна Жукова и Кузнецова-вторая всё-таки поменялись с другой парой, не спросив, — сбежали от батареи к сквозняку. Матвей заметил, не стал возвращать. Полякова, отсаженная от Лапиной, работала с Сафроновым, мальчиком с задней парты, молчаливым, с плохими зубами, и ей явно было скучно — она что-то записывала, постукивала ручкой, ждала. Сафронов терпел.

На предпоследней парте Борисов вытащил из рюкзака бутылку с водой, отвинтил пробку, сделал глоток, закрутил — медленно, громко, с характерным скрипом. Сидел довольный. Матвей не среагировал. Раздражать Борисова по мелочам себя не окупало.

Он думал про расписание. Два часа дополнительно — значит, свободное окно во вторник пропадает. Нужно перенести проверку тетрадей на вечер. Зоя будет дома, будет говорить по телефону или смотреть что-нибудь, а он будет сидеть за кухонным столом с красной ручкой.

— Матвей Львович, можно в туалет?

— Иди, Кузнецов.

Кузнецов — первый — выскользнул. За окном заорали строители. Лапина хихикнула. Восемнадцать минут до звонка.

Звонок. Дети повалили к двери. Кто-то забыл тетрадь, вернулся, схватил, убежал.

На перемене в учительской былолюдно. Демьян стоял у чайника и жевал яблоко — круглое, зелёное, громко хрустел.

Шевченко сидела за столом, проверяла что-то, обхватив голову руками. Лена входила и выходила — со степлером, победно.

Демьян подошёл, дожёвывая.

— Тебе сколько дали?

— Два.

— Мне одно. Говорят, у неё классы спокойные, нормально будет.

— Угу.

— Лена сказала, может, не вернётся. По здоровью, типа. — Демьян выбросил огрызок, попал в мусорку, довольно крикнул. — Я с ней слова в жизни не сказал.

Матвей тоже. Помнил Кравцову как худую женщину с короткой стрижкой, которая ходила быстро и на планёрках сидела у стены. Её Проступь не помнил.

Демьян допил свой чай, сполоснул чашку, вытер о полотенце — грязное, висело на крючке у раковины, никто не менял.

— Слушай, — сказал Демьян, — у тебя в шестом «Б» Соколов опять тэк?

— Чуть. Несильно.

— У меня с ним в прошлом году было. Он когда волнуется — фонит на пол-этажа. Мать приходила, говорила — мы работаем, занимаемся.

— Работают, наверное.

— Наверное. — Демьян пожал плечами. — Работают они

с ним уже второй год. А он как тѣк в сентябре, так и течѣт в октябре. Ну, пока терпимо. Если усилится — сам знаешь.

Шевченко, не поднимая головы:

— У меня Зинченко — третий год одно и то же. Девочка хорошая, но сесть рядом никто не хочет. Сама себе делает хуже — нервничает, от нервов ещѣ больше течѣт.

— Ну так, — сказал Демьян. — А что делать.

— Ничего. Терпят. Или не терпят — она в прошлом году два месяца не ходила.

Пауза.

— Лен, — сказал Демьян вдруг, — а твой-то как? Всѣ на Глубине?

— А что мой? — Лена зашла, услышала хвост. — Как был, так и есть. Тумбочка. Рядом ложишься — как со стенкой.

— Ну зато спокойно, — сказал Демьян.

— Спокойно, — сказала Лена. И ушла со степлером.

Демьян помолчал, хмыкнул.

— У меня старший такой же, — сказала Шевченко, не поднимая головы. — Четырнадцать лет. Заходишь в комнату — сидит, смотрит в телефон. «Как дела?» — «Нормально.» «Что в школе?» — «Нормально.» Ноль. Я ему говорю — ты живой вообще? Он — «мам, не начинай».

— Это возраст, — сказал Демьян.

— Это не возраст. Это их учат. С первого класса. Держать. Закрывать. Я сама это веду, я знаю. Они это и дома потом применяют.

— Ну, — сказал Демьян. — Нельзя же, чтобы они текли.

— Нельзя, — сказала Шевченко. — Вот и получаем.

Демьян пожал плечами, пошёл к подоконнику. Лена заглянула:

— Мальчики, среда поехала, посмотрите расписание.

— Я видел, — сказал Демьян.

— Ты видел, а Шевченко нет, и пришла на мой урок.

Лена исчезла. Шевченко, не поднимая головы:

— Я извинилась.

Чайник стоял тёплый. Матвей налил, вытер пальцы о штаны. Пахло чем-то кислым: кто-то забыл еду на подоконнике — контейнер, пластиковый, с чем-то зеленоватым внутри, стоял третий день. Матвей убрал его в мусорку. Никто не заметил.

В коридоре — стенд. Расписание на неделю, таблица, фамилии, кабинеты. Его фамилия — Истомин — в двух слотах вместо Кравцовой. Рядом — плакат ко Дню Целостности, глянцевый, висел криво, один угол отклеился, кнопка болталась. «Целое помнит каждого.» Под ним — объявление о сборе вещей для территорий воссоединения, картонная коробка, внутри шарф и пакет. Коробка стояла с начала месяца. Шарф был тот же. Матвей прошёл мимо.

Лестница на третий этаж — узкая, перила облупились, зелёная краска торчала чешуйками. На площадке между этажами — окно, грязное, за окном — крыши гаражей и кусок неба, серый. Двое из девятого сидели на подоконнике, в те-

лефонах. Один жевал что-то, второй показывал экран.

— На урок, — сказал Матвей.

Один кивнул. Не пошёл. Не его класс, не стал настаивать. Поднялся дальше.

На третьем — холоднее, окна на север. Кабинет Кравцовой — последний, в тупике. Номер на двери — 312 — ко-со, одна цифра выше другой. Зашёл за пять минут. Чище, чем ожидал. Парты сдвинуты ровно, стулья задвинуты, на подоконнике — горшок с чем-то засохшим, земля потрескалась. У себя он вечно спотыкался о рюкзаки. На стене — стандартный плакат про инциденты и карта Цельной Земли, старая, до Разрыва, с выцветшими границами. На учительском столе — мелки и тряпка, аккуратно. Тряпка — сухая, чистая. Он положил журналы на стол, открыл окно — здесь открывалось легко, петли смазаны.

Дети пришли. Восьмой «А», пятнадцать-шестнадцать лет. Сели. Рюкзаки — под парты.

— Я буду вести у вас Слушание, пока Елена Борисовна отсутствует. Меня зовут Матвей Львович.

Никто не спросил ни о чём. Ни «а что с Еленой Борисовной», ни «а надолго», ни даже кивка. Тишина — рабочая, ровная, как в кабинете бухгалтерии.

Он начал — парная работа, стандарт, задание чуть сложнее, чем у шестого: не просто «удерживай», а «удерживай и отмечай, когда давление усилилось». Дети выполняли. Матвей ходил между рядами. Один парень на третьей парте —

крупный, стриженный коротко — повернулся к напарнице, что-то сказал тихо. Она кивнула. Работали.

Урок шёл легко. Матвей ходил между рядами, поправлял кого-то, кому-то кивал.

Звонок. Дети собрались, вышли.

Спустился в учительскую. Демьян сидел на подоконнике, смотрел в телефон. Увидел Матвея, убрал.

— Как они?

— Тихие.

— Тебе повезло. У меня в пятом опять разборки. Подрались на перемене, оба с разбитыми губами, физрук их разнимал. Сейчас сидят у завуча.

— Из-за чего?

— Один у другого пенал взял. Или в пенал плюнул. Или наоборот. Я не дослушал.

Матвей усмехнулся. Демьян зевнул, почесал шею.

— Ты возьми у секретаря заявку на замещение, оформи. Чтобы потом не бегать. И копию сделай для себя.

— Сейчас.

Он пошёл в секретарскую. Секретарь — Ирина Владимировна, лет пятидесяти, в очках на цепочке — копалась в шкафу, доставала папку. Увидела его, кивнула.

— Бланки вон, там, возьмите. Подпишете у Натальи Петровны.

Он взял два бланка, сел за соседний стол, заполнил. Подчерк у него был мелкий, аккуратный, школьный. Поля за-

полнил, подписал. Подумал — число нужно поставить с понедельника, не с сегодняшнего дня. Перечеркнул. Поставил правильно. Сунул бланк в сумку.

— Спасибо.

— На здоровье. Пятнадцатого зарплата.

— Угу.

На первом этаже забрал сумку из учительской. В коридоре Палыч тащил стремянку, перекрывая полпрохода. Палыч — завхоз, лет пятьдесят пять, усы, рабочая куртка, от него пахло табаком и машинным маслом.

— Осторожнее.

— Лампу меняю, — сказал Палыч. — Третий раз за месяц. Гнёзда горят, я говорил — нужно проводку менять, а не лампы, но кто меня слушает.

Матвей обошёл стремянку. Вышел.

На крыльце — дождь, зонт не взял. Поднял капюшон. Автобус. Сесть негде. Стоял у задней двери, держался за поручень.

Дома Зоя стояла в коридоре в носках, разговаривала по телефону, смеялась. Голос — лёгкий, быстрый, не рабочий, значит — подруга, может, Аня. Матвей протиснулся мимо, она поймала за рукав, поцеловала в щёку, не прерывая. От неё пахло чем-то цветочным — крем или шампунь, он не различал. На полу у вешалки — её туфли, одна на боку. Он переступил, пошёл переодеваться. Домашние штаны, футболка. Ноги гудели.

На кухне достал журналы Кравцовой. Программу открыл: дошла до блока «Коллективная Проступь: распознавание и сдерживание». Отстаёт на два. Открыл второй журнал — отчётный — машинально, пока ждал чайник. Листал. Аккуратный почерк, оценки нормальные. Дошёл до графы инцидентов Проступи. Пусто. Перелистнул — пусто. Весь год. У него в шестом «Б» — семь за тот же период. Нормальное количество. У Демьяна — девять. Ноль — это или не заполняла, бывает, или —

Зоя зашла. Волосы кое-как, на подбородке — след от ручки, синий.

— Есть будешь?

— Да. Мне добавили часы.

— Ой. Сколько?

— Два. Кравцова ушла. По здоровью.

— Которая на третьем? — Зоя открыла холодильник, присела, стала переставлять контейнеры. Их всегда было много — шесть или семь, разных размеров, пластиковые, с крышками, она готовила на два-три дня и подписывала маркером.

— Суп или вчерашнее?

— Суп.

— Суп, может, позавчерашний. Понюхай.

Он понюхал. Нормальный. Зоя поставила на плиту. Матвей сидел за столом, журнал перед ним, открытый на пустой графе инцидентов.

— Ты чего? — спросила Зоя, не оборачиваясь.

— Ничего. Журнал смотрю.

— Чей?

— Кравцовой. Ну, которую замещаю.

Зоя помешивала суп. Матвей закрыл журнал, убрал в сумку.

— Аня звонила. На побережье в ноябре. Говорит, дёшево.

— Угу.

— Мы могли бы в декабре. Но ты всегда говоришь «посмотрим».

— Посмотрим.

— Вот.

Зоя поставила тарелку. Горячий. Обжёгся.

— Дуй.

Дул. Ел. Суп — грибной, чуть пересоленный, но это Зоя всегда чуть пересаливала. Он привык. Зоя села напротив с телефоном, показала фотографию собаки — большая, лохматая, с мокрой мордой.

— Аня завела. Зенненхунд. В однушке.

— Здоровая.

— Я говорю. Она ещё кошку хочет.

Матвей кивнул, доел. Тарелку в раковину. Зоя ушла в комнату. Посуду мыл он. Кран подтекал — тихо, ритмично, капля каждые три-четыре секунды. Он подставил палец — капля, капля. Закрутил вентиль — не помогло. Открыл шкафчик под раковиной, посмотрел: труба, изгиб, подводка — всё сухое, течь из крана, не из соединения. Нужна про-

кладка. Или сантехник.

Телевизор — фоном, из комнаты. Новости: Воссоединение, территории, помощь, нормализация. Диктор работал хорошо — голос ровный, тёплый, убеждённый.

В ванной на полке — Зоин крем с открытой крышкой, его бритва, тюбик пасты, выдавленный с середины, из-за чего они вяло спорили раз в неделю. Он выдавил с середины. Почистил. Сплюнул.

В комнате Зоя лежала с экраном, ноги под одеялом. Матвей лёг. Одеяло тяжёлое, Зоя любит тяжёлые. От неё пахло цветочным. Рядом с ней было тихо. Её Проступь — ровная, закрытая. Ему было хорошо: после дня с детьми, с чужими Проступями, с Соколовым, с автобусными попутчиками — лечь рядом с тишиной.

Открытый урок. Четверг. Методист из управления. Если хорошо — рекомендация. Рекомендация — не сразу, но потом повышение, может двенадцать процентов к ставке. Упражнение выбрать. Комбинированное. Шестой «Б», знакомые. Соколова посадить к окну. Нет — к стене. У стены — тише, если потечёт, меньше заметно. К стене.

— Свет?

— Давай.

Темнота. Зоя повернулась, подтянула одеяло. Ногой задела его ногу — тёплая. Он не сдвинулся. Она — чуть ближе, бедром к его бедру. Матвей лежал. Её нога — тёплая, гладкая — прижималась. Он не отодвинулся, но и не придвинул-

ся. Зоя подождала — секунду, может, две — потом повернулась на другой бок. Одеяло зашуршало. Она уже дышала ровно.

За окном — тихо. Стройка не шумела, ночь. Где-то внизу хлопнула дверь подъезда. Капля из кухонного крана — он не слышал отсюда, но знал, что капает.

Глава 2

В четверг Проверка была назначена на девять. Матвей пришёл к половине — раньше обычного, автобус попался быстрый, без пробок. В раздевалке повесил куртку, поправил свитер — надел чистый, тёмно-синий, не тот, что каждый день. Зоя утром сказала: «Наденешь нормальный?» Он надел нормальный. Поднялся в учительскую. Из зеркала в туалете — лицо, побритое ровно, без вчерашней полоски на подбородке. Он причесался пальцами, поправил воротник.

В учительской никого. Только за дальним столом — стопка тетрадей Шевченко, оставленная со вчерашнего дня, и ручка сверху. Матвей постоял у окна: во дворе экскаватор уже работал, скрёб ковшом землю, глинистую, с водой. Рабочий в каске стоял рядом, курил. Посмотрел на часы. Без двадцати. Пошёл вниз, к кабинету Проверки, чтобы не сидеть.

У кабинета, где проводили Проверку, сидела Лена. Кабинет — на первом этаже, в конце коридора, дверь без таблички, только номер: 108. Стул — один, пластиковый, у стены, белый, с царапиной на спинке. Лена подвинулась.

— Садись, я скоро.

— Быстро?

— Не знаю, я первая.

Он не сел. Стоял, смотрел на стену: объявление о Дне Це-

лостности — дата, программа, «приглашаются все сотрудники с семьями», — и рядом приказ о противопожарной проверке, от сентября, подпись неразборчивая. Кнопка, которой крепился приказ, болталась на одной ножке. Матвей вдавил её обратно. Рядом — ещё одно объявление: «Сбор средств для территорий воссоединения. Добровольно. Информация у завуча.» Бумага пожелтела.

Из-за двери — ничего не слышно. Так и должно быть: кабинет для Проверок — с усиленной изоляцией, чтобы Проступь не просачивалась наружу. Стены — толстые, дверь — двойная, он знал, хотя снаружи это было незаметно. Просто дверь. Просто стена.

Матвей прислонился, достал телефон. Новости. Пролистал, не читая. Стоял, ждал. По коридору прошла уборщица — ведро, швабра, запах хлорки. Кивнула. Прошла мимо. Из учительской в конце коридора вышла завуч младших классов, с папкой, с ключами, быстро прошла мимо, даже не кивнула — не заметила или сделала вид, что не заметила, коллеги перед Проверкой друг друга не трогали, это считалось неписанным правилом. Каблуки стукнули ещё два раза и затихли.

Минут через десять Лена вышла. Кивнула — «нормально» — и пошла по коридору, быстро, каблуки стучали. Лицо — обычное, чуть покрасневшееся.

Матвей зашёл. Кабинет — небольшой, два стула, стол с водой и стаканом. Окно зашторено — плотные, серые што-

ры, без просвета. Свет — верхний, тусклый, лампа жужжала. За столом — женщина лет сорока, незнакомая, короткие волосы, очки, блокнот. Из управления, наверное. Она встала, протянула руку. Рука — тёплая, сухая, пожатие — ровное.

— Марьяна Игоревна. Садитесь, пожалуйста.

Он сел. Стул стоял не напротив, а рядом, чуть под углом — так всегда: слушатель должен быть на расстоянии тела, не через стол. Матвей знал это, он учил детей тому же: чтобы считать Проступь, нужна близость. Через метр — уже размыто. Через два — почти ничего.

— Матвей Львович, как ваши дела?

— Спасибо, нормально.

— Как работа?

— Хорошо. Добавили часы, замещение.

— Да, я видела. Как настроение в коллективе?

— Обычное. Рабочее.

Она кивала, делала пометки — ручка, блокнот, почерк мелкий, не видно что пишет. Спросила про семью — женат, дети? Нет, детей нет. Как супруга? Хорошо. Как здоровье? Нормально. Спросила про Восстановление — что-то общее, формальное: «Как вы оцениваете обстановку в стране?» Матвей ответил: стабильная, правильное направление.

Она сидела рядом и слушала. Не слова — его. Его Проступь. Он это знал, и от этого знания всегда возникало лёгкое напряжение — не страх, а внимание к себе. Он дышал ровно. Это — навык. Он этому учил детей. Сам владел хорошо.

Минут через пятнадцать она сказала:

— Всё хорошо, Матвей Львович. Спасибо.

Он встал. Пожал руку. Вышел. В коридоре — пусто. Мальчик с рюкзаком пропал, уборщица ушла, стул, на котором сидела Лена, стоял один — белый, с царапиной, у стены. Матвей пошёл к учительской, и по дороге — облегчение. Не сильное, не радость, просто отпустило.

По пути заглянул в туалет — не нужно было, но заглянул, чтобы побыть одному ещё минуту. Вышел.

В коридоре мальчик из второго класса стоял у стены, держал руку — порез на пальце, неглубокий, но кровил. Смотрел испуганно.

— Ты куда?

— К медсестре.

— Вниз, прямо, первая дверь слева от столовой. Сам дойдёшь?

— Да.

— Иди. И покажи руку, не прячь.

Мальчик пошёл. Матвей вернулся в учительскую. Налил чай. Демьяна не было — первый урок. Шевченко сидела на том же месте, что вчера и позавчера, и проверяла тетради — стопка, красная ручка, волосы заколоты карандашом.

— Проверку прошёл? — спросила, не поднимая головы.

— Да.

— Ну и слава богу. У меня в пятницу.

Матвей налил чай. Стоял, пил. Двор, экскаватор. Трубы

раскопали глубже, теперь яма была большая, с глинистой водой на дне. Допил, пошёл на урок.

Шестой «Б». Он вёл хорошо — после Проверки чувствовал себя собранным, бодрым. Дети слушали. Соколов сегодня не тёл — сидел спокойно, писал, голова опущена. Матвей провёл упражнение на распознавание: один ученик рассказывает что-то из прошлого, остальные определяют по Проступи, какую эмоцию он переживает. Дети угадывали: страх, стыд, радость, тоска. Лапина угадала пять из пяти, Матвей похвалил. Она кивнула — серьёзно, без улыбки.

Хорошее упражнение. Может, взять его на открытый урок? Нет, слишком зависит от класса. Один неудачный ответ — и эффект пропал.

Борисов вышел рассказывать четвёртым. Рассказывал про рыбалку — как они с отцом поехали на озеро летом, и отец поймал щуку, а он, Борисов, не поймал ничего, но зато видел, как лягушка прыгнула в воду. Рассказывал деловито, без подробностей. Его Проступь была открытой — то гордость за отца, то обида, что у него самого не вышло, то ровное удовольствие от воды и лета. Дети угадывали легко. Полякова сказала: «Гордость.» Жукова: «Гордость и зависть. Обе сразу.» Борисов смутился — «чё, я не завидую». Матвей кивнул Жуковой: «Хорошо. Сел.» Борисов сел на место красный.

После звонка дети вышли. Матвей собрал тетрадь. У двери Соколов возился со шнурком: присел у стены, развязал совсем, вытащил из дырок, стал перешнуровывать заново.

Делал это аккуратно, сосредоточенно, язык у щеки. Шнурок был длинный, он его завязал двойным бантом, потянул, проверил. Поправил штанину. Встал. Пошёл. Не посмотрел на Матвея. Матвея он, кажется, и не заметил.

Лапина задержалась в классе — что-то писала в тетради, доделывала. Подняла голову.

— Матвей Львович, можно после уроков?

— Что?

— Я хотела спросить.

— Подходи после шестого.

Она кивнула, собрала вещи, ушла.

На перемене — звонок от матери. Матвей вышел в коридор, встал у окна.

— Матвюша, ты не забыл, суббота?

— Не забыл, мам. Придём.

— С Зоей?

— С Зоей.

— Хорошо. Я думала, может, после выступления ко мне заедете. Я пирог сделаю.

— Посмотрим, мам.

— Посмотрим значит нет.

— Значит посмотрим.

Пауза. Мать — голос бодрый, с напором, привычным, как давление руки на плечо. Ей шестьдесят три, голос — на пятьдесят. Проступь через телефон не передаётся, только голос, но Матвей и по голосу слышал: она хочет, чтобы он приехал,

и она не будет настаивать, но даст понять.

— Как папа? — спросила мать.

— Нормально.

— Ты звонил?

— На днях.

Он не звонил отцу две с половиной недели. Мать и отец жили порознь давно — не развод, но и не вместе. Мать не спрашивала подробности, только — «как папа», и Матвей говорил «нормально».

— Ладно, — сказала мать. — В субботу жду. К одиннадцати на площадь. Место я займу.

— Хорошо, мам.

Он убрал телефон. Стоял у окна. Двор, экскаватор, рабочие в касках. Один курил, сидя на трубе.

Звонок. Следующий урок. Восьмой «А». Второй раз. Матвей зашёл, дети уже сидели. Тихо. Он дал задание посложнее: работа в четвёрках, один рассказывает, трое слушают и потом обсуждают, что почувствовали. Задание рассчитано на конфликт: трое обычно чувствуют разное, и обсуждение — само по себе упражнение в управлении Проступью.

Класс выполнял. Тихо. Обсуждали вполголоса, ровно. Конфликтов не было. Трое в каждой группе чувствовали примерно одно и то же, и обсуждать оказалось нечего. Матвей обошёл три группы, послушал — всё одинаковое: «Мы почувствовали тревогу.» «Мы почувствовали грусть.» Чётко, кратко, без разногласий. Одна группа — у окна — сидела

молча, закончив, ждала.

Он подошёл к группе у окна.

— Закончили?

— Да.

— И что получилось?

— Мы почувствовали ностальгию, — сказал мальчик с короткой стрижкой.

— Все трое?

— Все.

— Одно и то же?

— Да.

— Хорошо. — Матвей кивнул, пошёл дальше.

Урок был скучным. Не для детей — для него. Матвей стоял у окна — третий этаж, видно дальше, крыши домов, серое небо, антенны — и думал про открытый урок. Комбинированное упражнение. Распознавание плюс удержание. Нужно прогнать завтра с шестым «Б». Нужно предупредить Соколова — или нет, не предупреждать, просто посадить его подальше, к стене, если потечёт — не на виду. Или вообще отправить к медсестре на тот урок.

Звонок. Дети ушли — тихо, по одному. Матвей собрал тетрадь, журнал. Спустился.

Оставшееся время до конца дня — окно, свободный урок. Он сидел в учительской, проверял тетради шестого «Б». Работы по распознаванию — короткие, полстраницы, почерки разные. Лапина — аккуратно, подробно, грамотно. Поляко-

ва — три строчки, размашисто, две ошибки. Кузнецов-первый — старается, но путает термины. Соколов — короткая работа, напряжённая, буквы мелкие, прижатые.

В учительской — тишина, конец дня. Шевченко ушла. Демьян зашёл на минуту, выпил чай стоя, рассказал: у него пятый «В» опять буянил, двое подрались, физрук не справился, пришлось вызывать. Матвей слушал вполуха, кивал.

— У тебя Проверка утром была? — спросил Демьян.

— Да.

— Долго?

— Минут пятнадцать.

— У меня десять было. Даже не понял, что проверяли.

— Демьян откусил яблоко. — Может, я тупой и проверять нечего.

Лена усмехнулась — она зашла незаметно, стояла у шкафа. Матвей промолчал.

— Лен, — сказал он, не зная, зачем, — у тебя когда?

— В пятницу. — Лена пожала плечами. — Я не люблю это. Сидит рядом, слушает тебя. Как на приёме у гинеколога.

Демьян засмеялся. Матвей тоже. Лена села на край стола, болтала ногой.

— Нет, серьёзно. Я потом полдня хожу, как будто меня раздели. А мужу рассказываю — он кивает. Я говорю: «Тебе неприятно, что чужой человек меня слушал?» Он: «А что такого?» Я: «Ну вот именно.» — Она помолчала. — Иногда думаю — лучше бы он хоть поревновал. Хоть кастрюлей бы

кинул.

— Лен, это Глубина, — сказал Демьян.

— Я знаю, что Глубина. Но до Глубины он тоже не особо... Ладно. Неважно.

— У тебя на Зоином месте работы скидку на Глубину не дают? — спросила Лена вдруг. — Для родственников?

— Не знаю. Вряд ли.

— Ты обещал спросить. Про дозировку. Для Славика.

— Я спрошу. — Он вспомнил: Лена просила на прошлой неделе. Муж на Глубине, стал «как мебель». Матвей не спросил. — Извини, вылетело. Спрошу.

Лена кивнула. Не поверила, наверное.

Матвей допил чай. Собрал вещи. Вышел.

На крыльце — дождь, мелкий, нудный. Капюшон. Автобус — полупустой, сел. Женщина через проход говорила по телефону, громко: «Нет, я сказала, до пятницы. Нет. Нет, мам, до пятницы. Ну потому что!» Матвей отвернулся к окну. Женщина фонила раздражением — острым, мелким, бытовым. Он не закрывался, просто — привычно не реагировал.

На своей остановке вышел.

Дома Зоя резала что-то на кухне, нож стучал по доске. Без музыки, без телевизора — она иногда так, в тишине. Матвей зашёл, поцеловал в затылок. Она пахла луком и тем же цветочным.

— Мать звонила. В субботу выступление, просит прийти.

— Районное?

— Да. К одиннадцати.

— Ладно.

— И после к ней. Пирог.

Зоя промолчала. Нож стучал. Лук — кольцами, ровными.

— Можем не ехать, — сказал Матвей.

— Поедем. Давно не были.

Он переоделся, вернулся на кухню. Сел. Зоя жарила что-то, пахло маслом и чесноком. Он хотел рассказать про Проверку — как прошёл, что нормально, — но не стал. Зоя скажет «ну а как иначе».

— У Демьяна за десять минут прошло, — сказал он за чем-то.

— Что прошло?

— Проверка.

— Ну Демьян. — Зоя перевернула что-то на сковороде.

— Он же пустой. У него проверять нечего.

Матвей усмехнулся. Ему стало чуть легче. Он потянулся к телефону — сообщение от матери, фото площади, «Жду!» с восклицательным знаком. Не ответил.

— Ты отцу звонил? — спросила Зоя.

— Не успел.

— Ты каждую неделю не успеваешь.

— Позвоню в выходные.

— Ты и в прошлые выходные говорил.

Матвей не ответил. Зоя не стала продолжать. Она выло-

жила еду на тарелки — курица, овощи, хлеб. Сели. Ели. Молча, но не тяжело — просто молча.

Зоя ела медленно, подбирала кусочки вилкой, не нагружая её.

— Мне Катя написала, — сказала Зоя. — У них на работе Глубину урезали. Меньше выдают.

— Почему?

— Перерасход, говорят. Конец квартала, лимиты. — Она пожала плечами. — У нас тоже, но пока не сильно.

Матвей кивнул. Глубина распределялась через Палату, по ведомствам, по должностям. Он не знал деталей — Зоя не рассказывала, и он не спрашивал. Знал, что учителям не полагалась. Чиновникам — да, военным — да, Голосам — обязательно. Учителям — нет. Его это не беспокоило: ему не нужна была. Он справлялся сам.

— Лена просила узнать насчёт дозировки. Для мужа, — сказал он.

— Чего?

— Муж на Глубине, говорит, стал как мебель. Хотела узнать, есть ли помягче.

— Это не ко мне. Это к врачу.

— Я так и думал.

— Ну вот. — Зоя подняла брови. — Я не аптека.

— Ладно, ладно.

Доели. Посуду мыл Матвей. Зоя ушла в комнату. Кран капал.

— Зой, — крикнул из кухни, — давай сантехника вызовем. Хватит.

— Наконец-то, — крикнула она из комнаты.

— Ты позвонишь или я?

— Я позвоню. Ты забудешь.

Это было правдой. Он вытер руки, вышел из кухни. В коридоре — темно, лампочка перегорела ещё в субботу. Он открыл шкаф, нашёл в коробке новую, вкрутил. Заработала.

В комнате Зоя сидела с ноутбуком на коленях, ноги под одеялом. Матвей сел рядом, открыл тетрадь, начал писать план открытого урока. «Рассказчик: Лапина (спросить). Запасной вариант: Жукова. Время: 40 мин. Структура: 3 раунда. 1-й: свободный рассказ, класс слушает. 2-й: рассказ с удержанием, класс проверяет. 3-й: общее обсуждение.»

Зоя повернула экран — фотография: море, пляж, зонтики.

— Аня прислала. Побережье.

— Красиво.

Зоя ничего не добавила. Повернула экран обратно. Матвей дописал план, закрыл тетрадь. Лежал. Думал: завтра поговорить с Лапиной. Подготовить класс.

Темнота. Зоя повернулась, одеяло зашуршало. Плечо коротко задело его плечо — она не придвигалась, просто поворачивалась. Он не сдвинулся.

Будильник. Семь. Поставил. Телефон на тумбочку. Зоя уже дышала ровно.

Глава 3

Зоя разбудила его в девять, хотя будильник стоял на половину десятого.

— Вставай. Мне нужна ванная.

Матвей лежал, слушал, как она ходит по квартире: шлёпанцы, чайник, щелчок шкафа, шум воды в ванной. Суббота. Мать. Площадь. Одиннадцать. Он полежал ещё минуту — одеяло тяжёлое, ноги тёплые, подушка — в правильной ямке. Потом встал.

На кухне Зоя пила кофе стоя, в халате, волосы мокрые, капали на воротник. Он налил себе чай, сел. На столе — вчерашний хлеб, масло, банка варенья, открытая, ложка в варенье — Зоя так оставляла, он каждый раз убирал ложку, она каждый раз клала обратно.

— Во сколько выходим?

— В десять, если хочешь успеть. Или в полодиннадцатого, если тебе нормально прийти, когда уже начнётся.

— В десять нормально.

— Ну вот и вставай давай.

Он пил чай. Зоя ушла в ванную. Матвей смотрел в окно: серо, но не дождь. Может, не будет.

Оделся. Рубашка, свитер — не рабочий, поновее. Брюки — чистые, Зоя вчера погладила, повесила на стул. Ботинки.

Зоя вышла из ванной, стояла у шкафа, перебирала вешал-

ки. Волосы — высушила, уложила, чуть подкрасилась. Наде- ла ту же серую, что и в прошлый раз. Матвей не стал спра- шивать.

Они вышли. На улице — сухо, но холодно, ветер. Листья на тротуаре — мокрые, жёлтые, налипали на ботинки. Зоя была в туфлях — не парадных, но и не кроссовках. Матвей посмотрел на её ноги.

— Там лужи будут.

— Переживу.

Автобус до площади — три остановки, потом пешком. На- роду в автобусе мало, суббота, утро. Сели рядом. Зоя доста- ла телефон, листала. Матвей смотрел в окно. Перекрёсток, светофор, поворот. Вышли. Пешком — минут семь.

Район был знакомый: здесь мать жила уже лет двенадцать, с тех пор как они с отцом стали жить порознь. Матвей бывал раз в две-три недели, иногда реже. Улицы — тихие, деревья, пятиэтажки с балконами, бельё на верёвках, хотя октябрь. Тротуар здесь был ровный, плитка лежала без перекосов, и бордюр был свежеподкрашен — белой полосой, ровной.

У перекрёстка — клумба, в ней поздние астры, ещё жи- вые, и земля у корней рыхлая, явно кто-то недавно прика- пывал. Напротив клумбы стояла скамейка, на ней — двое пожилых, муж и жена, одетые тепло, с термосом. Жена раз- ливала чай в крышку, муж держал. Они не разговаривали, просто сидели. Матвей знал эту сцену по району матери — пожилые, отправленные на утренние прогулки, садились на

скамейки в одно и то же время и пили чай из термоса.

— Подожди, — сказала Зоя. Остановилась, поправила туфлю — натирала, видно. Матвей дождался. Она выпрямилась. Пошли дальше.

Площадь была небольшая — скорее скверик с расчищенным пространством и низкой деревянной сценой. Скамейки по краям — крашеные в зелёный, краска свежая. Микрофона не было: Голоса работали живым голосом, это было принципиально, Матвей знал — микрофон искажает Проступь, слушатели чувствуют технику, а не человека. Сцена — метр над землёй, перила, два стула, столик с водой. За сценой — флаг и плакат ко Дню Целостности, тот же, что в школе: «Целое помнит каждого.» Плакат — свежий, гладкий, видно, повесили утром.

Людей было человек сто пятьдесят, может, меньше. Пожилые — в основном, в первых рядах на складных стульях, которые кто-то принёс из дома. Дальше — стоячие: несколько семей с детьми, пара мужчин в куртках, женщина с коляской. Дети бегали между ногами.

Матвей и Зоя встали ближе к середине. Зоя — руки в карманах, плечи чуть подняты от холода. Рядом — пожилая женщина в берете, тёмном, с брошкой, которая кивнула Матвею.

— Анна Сергеевна ваша сегодня?

— Да.

— Хорошо рассказывает, мне нравится. В прошлый раз

плакала — ну, не она, я. — Женщина усмехнулась. — Каждый раз одно и то же, а всё равно.

Матвей кивнул. Женщина повернулась обратно к сцене.

На сцену вышла ведущая — женщина из районного управления, Матвей видел её раньше, не помнил имени. Невысокая, в тёмном пальто, шарф, голос — негромкий, но чёткий. Поздоровалась, сказала что-то про «день памяти и единства», про «живую историю, которая хранится в наших Голосах». Стандартное.

Представила первого выступающего — молодого Голоса, лет тридцати, которого Матвей не знал. Тот рассказывал о строительстве Новых Кварталов после Восстановления. Рассказывал нормально, но негромко — задние ряды переговаривались. Ребёнок заплакал. Женщина с коляской покачала, не помогло, ушла. Голубь сел на край сцены, молодой Голос не заметил.

Зоя листала телефон, время от времени поднимая голову. Матвей слушал вполуха. Было прохладно, он застегнул куртку. Рядом мужчина лет шестидесяти достал из кармана семечки и ел, аккуратно складывая шелуху в ладонь.

Молодой Голос закончил, поклонился коротко, ушёл. Следующий выступающий — женщина лет пятидесяти, в тёмно-синем пальто. Говорила про школу, где она училась в войну — не в эту, в ту, далёкую, которую знали только из учебников. Голос у неё был слабый, но ровный. Несколько человек в первом ряду кивали. Матвей обратил внимание,

что у женщины в синем пальто руки дрожали, чуть; она держала их одна в другой, чтобы унять.

Потом — мать.

Анна Сергеевна вышла на сцену в тёмном платье, волосы убраны, спина прямая. Невысокая, крепкая, шестьдесят три, но двигалась уверенно. Она не была главным Голосом района — не первая, не вторая, — но выступала регулярно, её знали, к ней приходили. На сцене она держалась иначе, собраннее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.